

УДК 811.161.1:161.26

О. А. Толстая

РОЛЬ ЭКСПЛИКАТОРОВ СИТУАТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ИЗОБРАЖЕНИИ ДУХОВНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

7

На материале романа Л. Н. Толстого «Воскресение» рассматривается текстовая функция средств выражения значений ситуативной модальности (возможности, желательности, необходимости); выявляется их роль в изображении духовного пробуждения личности.

On the basis of Leo Tolstoy's novel Resurrection, the author considers the text function of linguistic units expressing the meaning of situational modality (possibility, desirability, necessity), as well as their role in the depiction of the moral revival of personality.

Ключевые слова: ситуативная модальность, художественный текст, роман, Лев Толстой.

Key words: situational modality, fiction, novel, Leo Tolstoy.

В исследованиях последнего времени фокус рассмотрения проблем языковой категории модальности все чаще выносится за пределы предложения-высказывания — в текст, в речевую ситуацию. Именно на текстовом уровне отчетливо раскрывается подлинная сущность модальности и выявляются ее функциональные особенности. При этом основное внимание лингвистов сосредоточено на анализе объективной модальности и ее фрагмента — ситуативной модальности с частными значениями возможности, желательности и необходимости. Именно эта модальность «характеризуется наиболее широким составом частных значений и средств их языкового выражения» [2, с. 18]. В плане сказанного интерес представляет рассмотрение текстовой функции экспликаторов ситуативной модальности, так как «именно через реализацию данных значений, заключающих в себе важные аксиологические понятия, в значительной мере выявляются нравственно-философские позиции писателя, автора художественного произведения» [3, с. 354]. Ярким свидетельством этому могут служить произведения Л. Н. Толстого, творчество которого особенно показательным в плане изображения личности, ее духовного мира.

Наиболее полно мотив нравственного пробуждения личности раскрывается в романе «Воскресение» через образ Нехлюдова, который, будучи, по мнению исследователей творчества Л. Н. Толстого, самым сложным из персонажей романа, переживает внутреннюю перестройку мирозерцания.

В первых главах романа Нехлюдов предстает скучающим, избалованным баринном, при этом Толстой, избегая прямых авторских оценок, изображает бездеятельность, пассивность Нехлюдова, мастерски используя различные средства характеристики персонажа, в том числе лексические средства выражения модального значения возможности, а именно частного значения субъективной возможности '(не) быть в состоянии, в силах делать что-либо'. Показательно в этом отношении последовательное использование отрицательных форм модального глагола *мочь*, репрезентирующего бессилие Нехлюдова изменить что-либо в своей жизни. Ср.: «Сначала Нехлюдов *не мог устоять* против соблазна, потом, чувствуя себя виноватым перед нею, он *не мог разорвать* эту связь без ее согласия» [8, с. 19]; «*Не могу* я теперь *ехать* и *не могу* ничего *предпринять*, пока она не ответит мне», — подумал Нехлюдов» [8, с. 20].

Ретроспективно автор показывает нам, что в студенческие годы Нехлюдов обладал еще «цельным, решительным характером» [8, с. 48], активно познавал красоту и значительность жизни, видел «возможность бесконечного совершенствования и своего и всего мира» [8, с. 48] и отдавался ему «не только с надеждой, но и с полной уверенностью достижения всего того совершенства, которое он воображает себе» [8, с. 48]. «Корень зла», по мнению писателя, не в природе человека, а в «меняющейся среде, в социальных условиях, существующих формах жизни» [5, с. 85]. Раскрытию данной мысли в романе способствует активное использование автором модальных экспликативов со значением желательности и возможности в эпизодах, повествующих о студенческих годах главного героя. Так, с образом юного Нехлюдова коррелирует прилагательное *готов*, примыкающее к группе несобственно модальных глаголов. В силу своей семантики ('могущий и желающий что-то исполнить' [10]) лексема *готов* эксплицирует совмещенное значение внутренней возможности ('быть способным, быть в состоянии') и желательности: «Тогда он [Нехлюдов] был честный, самоотверженный юноша, *готовый отдать* себя на всякое доброе дело, — теперь он был развращенный, утонченный эгоист, любящий только свое наслаждение» [8, с. 52]. В аналогичной функции Толстой использует также собственно модальные модификаторы со значением желательности — глаголы *хотеть* и *стараться*. Ср.: «Когда он был девственником и *хотел остаться* таким до женитьбы, то родные его боялись за его здоровье, и даже мать не огорчилась, а скорее обрадовалась, когда узнала, что он стал настоящим мужчиной и отбил какую-то французскую даму у своего товарища» [8, с. 53]. «Тогда мир божий представлялся ему тайной, которую он радостно и восторженно *старался разгадывать*, — теперь все в этой жизни было просто и ясно и определялось теми условиями жизни, в которых он находился» [8, с. 52]. В приведенных примерах на модальное значение желательности, эксплицируемое данными глаголами, наслаивается дополнительное значение нереализованной возможности — возникает ситуация противоборства «внутреннего» (выбор, способность субъекта) и «внешнего» (препятствия на пути осуществления действия), поскольку, как явствует из контекста, ни одно из намерений Нехлюдова того времени не было осуществлено в полной мере, так как не нашло поддержки и одобрения в обществе. В плане сказанного интересен следующий пример, репрезентирующий один из вариантов

взаимодействия сфер желательности и возможности, соответствующих схеме «стараться сделать, но не смочь»: «“Ведь уже *пробовал совершенствоваться и быть лучше, и ничего не вышло*, — говорил в душе его голос искусителя, — *так что же пробовать еще раз?* Не ты один, а все такие — такова жизнь”, — говорил этот голос» [8, с. 108]. В данном примере глагол *пробовать* в сочетании с зависимым инфинитивом выступает в модальной функции и раскладывается на семантические слагаемые «хотел», но «не смог» стать лучше, что подтверждается дальнейшим контекстом — конструкцией с независимым инфинитивом, имплицитно реализующей совмещенное модальное значение отрицательной возможности и необходимости (нет оснований и не надо пробовать еще раз).

Следует отметить, что идея «невиновности» человека при «недобродетели и виновности всей жизни» [9, с. 61] ни в коей мере не снимает всю остроту нравственной проблемы в произведении Толстого. То, что «законы необходимости жизни не отменяют, по мысли Толстого, законов свободы воли, — свободы выбора и нравственной ответственности за сделанный выбор» [5, с. 85], писатель передает с помощью собственно модального экспликатора значения долженствования — предикативного наречия *надо*, а также предикатива *нельзя*, реализующего совмещенное модальное значение «возможность + необходимость». Примечательно, что в данной репрезентации Толстой предпочитает безличные модификаторы, что позволяет трактовать действие, о котором говорится в предложении, как всеобщий морально-этический закон. Ср.: «В глубине, в самой глубине души он знал, что поступил так скверно, подло, жестоко, что ему, с сознанием этого поступка, *нельзя* не только самому *осуждать* кого-нибудь, но *смотреть* в глаза людям, не говоря уже о том, чтобы считать себя прекрасным, благородным, великодушным молодым человеком, каким он считал себя» [8, с. 70]; «Перестал же он верить себе, а стал верить другим потому, что жить, веря себе, было слишком трудно: веря себе, всякий вопрос *надо решать* всегда не в пользу своего животного я, ищущего легких радостей, а почти всегда против него; веря же другим, *решать нечего было*, все уже было решено и решено было всегда против духовного и в пользу животного я» [8, с. 53]. В последнем примере оппозиция *надо решать* — *нечего решать* (сочетание отрицательного местоимения *нечего* с зависимым инфинитивом, имплицитно реализующее то же модальное значение, только с отрицанием) акцентирует ситуацию выбора.

Встреча с Катюшей Масловой на суде пробуждает в Нехлюдове давно уснувшее в нем *духовное существо*. Ему становится «гадко и стыдно» [8, с. 104], «тревожные вопросы постоянно будят его, обостряют работу мысли, ведут к началу всех “зачем” и “почему”» [5, с. 89]. «Мучительная сумятица мыслей и чувств» [6, с. 24] Нехлюдова после встречи на суде с Масловой получила наиболее явное выражение посредством грамматического контекста, а именно каскада риторических вопросов, что многократно усиливает экспрессивный потенциал высказывания. По мнению Г. В. Бобровской, риторический вопрос может использоваться как «средство, совмещающее логико-интеллектуальную и эмотивную функции» [1, с. 26], а значит, выступать в функции вопроса-раздумья, передающего сомнения говорящего, его углубленную духовную работу, т. е. именно ту «работу мысли», которая происходит в Нехлюдове.

Ср.: «Да нет, если бы даже она и пошла теперь за меня, *разве я мог бы быть* не то что счастлив, но спокоен, зная, что та тут, в тюрьме, и завтра, послезавтра пойдет с этапом на каторгу» [8, с. 125]. В данном примере экспрессию усиливает частица *разве*, выражающая уверенность в противоположном ответе, реализующая «модальные значения недопустимости, невозможности, с которыми сочетаются отрицательные эмоции — осуждения, сожаления, гнева, протеста» [4, с. 38].

Безмодификаторный риторический вопрос также является средством, способным имплицитно выражать семантику ситуативной модальности с наложением различных эмоционально-экспрессивных значений. Ср.: «*Как развязать* (= невозможно развязать) отношения с Марьей Васильевной, с ее мужем так, чтобы было не стыдно смотреть в глаза ему и его детям? *Как без лжи распутать* (= невозможно распутать) отношения с Мисси? *Как выбраться* (= невозможно выбраться) из того противоречия между признанием незаконности земельной собственности и владением наследством от матери? *Как заглядеть* (= невозможно заглядеть) свой грех перед Катюшей? Нельзя же это оставить так» [8, с. 107]. В данном примере каскад риторических вопросов, имплицитно реализующих значение отрицательной возможности, как бы резюмируется лексическим модификатором *нельзя* со сходным значением. Пример аналогичной конструкции, но репрезентирующей модальное значение необходимости, представлен в следующем предложении: «И потом, *зачем делать несчастным человека*, если он не знает? Если он спросит, да, я скажу ему. *Но нарочно идти говорить ему?* Нет, это *не нужно*» [8, с. 122].

Итак, Нехлюдов увидел свою вину в падении Катюши Масловой, «бог, живший в нем, проснулся в его сознании» [8, с. 109], и герой романа обрел ту точку обзора, которая позволила ему по-новому взглянуть на жизнь, свою и окружающих, и выявить ее внутреннюю фальшь. Нехлюдов оживает для активной деятельности, что выражается экспликаторами утвердительной субъективной возможности, а именно рядом реализаций модального глагола *мочь*, а также краткого прилагательного *способен* и существительного *власть* с зависимым инфинитивом: «Он почувствовал себя им (богом. — О. Т.) и потому почувствовал не только свободу, бодрость и радость жизни, но почувствовал все могущество добра. Все, все самое лучшее, что только *мог сделать* человек, он чувствовал себя теперь *способным сделать*» [8, с. 109]. «Но *делать* его волю, написанную в моей совести, — это *в моей власти*, и это я знаю несомненно» [8, с. 234]. Общая динамика модального рисунка меняется с «не хотел» и «хотел, но не смог» на «не могу, но должен», что находит выражение в противопоставлении экспликаторов отрицательной возможности экспликаторам необходимости. Ср.: «И удивительное дело, что нужно для себя, он никак *не мог решить*, а что *нужно делать* для других, он знал несомненно» [8, с. 234]. «За месяц тому назад Нехлюдов сказал бы себе, что *изменить* существующий порядок он *не в силах* <...> Теперь же он решил, что, хотя ему предстоит поездка в Сибирь и сложное и трудное отношение с миром острогов, для которого необходимы деньги, он все-таки *не может оставить* дело в прежнем положении, а *должен*, в ущерб себе, *изменить* его» [8, с. 207].

Однако вся деятельность Нехлюдова, направляемая его новым мировоззрением, не в состоянии что-либо изменить в той жизни, которую

он не может признать и принять: «Все то страшное зло, которое он видел и узнал за это время, и в особенности нынче, в этой ужасной тюрьме, все это зло, погубившее и милого Крыльцова, торжествовало, царствовало, и не виделось никакой возможности не только победить его, но даже понять, как победить его» [8, с. 452]. Употребление автором глагольно-именного сочетания с существительным *возможность* эксплицирует значение отрицательной объективной возможности, усиленное отрицательным местоимением *никакой*, а употребление неопределенно-личной глагольной формы *не виделось* придает всему высказыванию характер обобщения (= не только Нехлюдов не мог, никто не мог). «Отчаяние от невозможности и бесполезности действия вовне разрешается в последней главе романа обращением к программе “внутреннего” действия, к Нагорной проповеди, к Евангелию» [6, с. 33], ср.: «И удивительное дело, что *нужно* для себя, он никак не мог решить, а что *нужно делать* для других, он знал несомненно. Он знал теперь несомненно, что *надо было отдать* землю крестьянам, потому что удерживать ее было дурно. Знал несомненно, что *нужно было не оставлять* Катюшу, *помогать* ей, *быть готовым* на все, чтобы искупить свою вину перед ней. Знал несомненно, что *нужно было изучить, разобрать, уяснить* себе, *понять* все эти дела судов и наказаний, в которых он чувствовал, что видит что-то такое, чего не видят другие. Что выйдет из всего этого — он не знал, но знал несомненно, что и то, и другое, и третье ему *необходимо нужно делать*» [8, с. 234]. Многократный повтор безличных лексических модификаторов *нужно* и *надо*, репрезентирующих срощенное значение желательности и необходимости, завершающийся употреблением сочетания *необходимо нужно делать* возвышает размышления Нехлюдова до призыва, обращенного ко всем людям, ведь, как заметил Лев Шестов, все последние романы Толстого «имеют исключительную задачу: сделать выработанное им мировоззрение обязательным для всех людей» [7].

Таким образом, проведенный нами анализ показал, что экспликативные ситуативной модальности выполняют важную текстовую функцию, способствуя воплощению авторского идейно-нравственного замысла и помогая проследить все нюансы духовного пробуждения личности.

Список литературы

1. Бобровская Г. В. Семантика и прагматика риторических вопросов в текстах массовой коммуникации // Университетская филология — образованию: регулятивная природа коммуникации. Барнаул, 2009. С. 26–31.
2. Ваулина С. С. К вопросу о структурно-содержательной природе модальности (от модальности предложения к модальности текста) // Вестник Калининградского государственного университета. 2004. Вып. 1. С. 14–19.
3. Ваулина С., Трофимова И. Текстовая функция модальной лексики (на материале прозаических произведений Чехова) // Acta Polono-Rutenica XI. Olsztyn, 2006. S. 353–361.
4. Канафьева А. В. Частицы как репрезентаторы модально-эмоциональных значений риторического высказывания // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология. 2009. №2.
5. Кузина Н. К. К новым способам психологического анализа // Роман Л. Н. Толстого «Воскресение». Историко-функциональное исследование. М., 1991.
6. Кузина Л. Н., Тюнькин К. И. «Воскресение» Л. Н. Толстого. М., 1978.

7. *Шестов Л.* Добро в учении гр. Толстого и Ницше // Вехи : электронная библиотека : [сайт]. URL: <http://www.vehi.net/shestov/dobro.html> (дата обращения: 26.02.2012).

8. *Толстой Л. Н.* Собр. соч. : в 22 т. М., 1983. Т. 13.

9. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. : в 90 т. М., 1928–1958. Т. 57.

10. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1995.

Об авторе

Ольга Александровна Толстая – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канга, Калининград.

E-mail: oliwa156@rambler.ru

About author

Olga Tolstaya, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: oliwa156@rambler.ru